

На правах рукописи

Коканова Анна Борисовна

РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ в пространстве диалекта

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2011

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова»

Научный руководитель: доктор филологических наук доцент
Нефедова Елена Алексеевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор Учреждения Российской
академии наук Института славяноведения
РАН **Вендина Татьяна Ивановна**

кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры русского
языка филологического факультета Санкт-
Петербургского государственного
университета **Васильева Ольга
Владимировна**

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Вологодский
государственный педагогический
университет»

Защита диссертации состоится «30» марта 2011 г. в 14:30 на заседании
диссертационного совета Д 501.001.19 при ФГОУ ВПО «Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991,
ГСП-1 Москва, Ленинские горы, МГУ, д.1, стр. 51, I учебный корпус
гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке 1-го учебного корпуса
ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова».

Автореферат разослан « 28» февраля 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

Е.В.Клобуков

Общая характеристика работы

Данная работа представляет собой исследование двух важнейших для народной культуры семантических областей, относящихся к рождению и смерти. Лексика рождения и смерти функционирует прежде всего как обрядовая и обслуживает родильный и похоронный обряды. Вместе с тем эта лексика широко употребляется вне обряда, в обычной повседневной жизни и является принадлежностью общеупотребительного языка. Специфика обрядовой лексики заключается в том, что «обрядовое слово номинирует предмет или действия, которые выступают не в профанной, а в сакральной функции, входя в обрядовый комплекс»¹. Все это диктует и новые правила сбора диалектного материала (ориентация не на слово само по себе, а на слово в **тексте**), и новые принципы описания диалектного материала. Зафиксированные контексты употребления лексики традиционной народной духовной культуры помогают раскрыть мотивацию терминов, особенности внутренней формы, обрядовую и мифологическую символику и семантику. В настоящее время считается бесспорной важность описания картины мира, представленной в говорах, а «всякая языковая картина мира, построенная на лексических данных, является культурно-языковой картиной, продуктом скрещения языка с определенной культурной моделью»². Эти культурные модели включают в себе и систему ценностей данной культуры, и базовые концептуальные метафоры, которые реализуются в этапах обряда и номинациях действий, предметов и актантов ситуаций.

Актуальность исследования. Рождение и смерть являются важнейшими событиями в жизни каждого человека, поэтому отмечаются в любой культуре специфическими обрядовыми действиями. Родильный и погребальный обряды исследователи относят к так называемым «обрядам перехода», в ходе которых участники обряда обретают новый статус. Ученые давно обратили

¹ Банкова Т.Б., Калиткина Г.В. Лексикографическое описание обрядового слова. К постановке проблемы // Актуальные проблемы современной русистики. Томск, 2000. С. 134.

² Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993. С. 221.

внимание на мотивационное и структурное сходство переходных обрядов, но в научной литературе до сих пор нет серьезного исследования, посвященного сопоставлению родильно-крестильного комплекса с погребально-поминальной обрядностью. Кроме того, существующие исследования обрядовой структуры и метафорики часто не принимают во внимание лексику, описывающую действия и состояния участников обрядовых действий, которая может дать ключ к пониманию основополагающих концептов народной культуры и поможет смоделировать цельный фрагмент языковой картины мира. Данное исследование представляет собой комплексное описание семантического пространства РОЖДЕНИЯ и СМЕРТИ как событий, соотносящихся с пропозицией, включающей в себя участников событий, их действия и предметы, с помощью которых эти действия совершаются. Таким образом, в диссертации моделируется «кусочек действительности», жизненная ситуация, представляемая как в реальном плане, так и в мифологическом (связь действий и предметов с народным сознанием, обрядовой культурой и символикой).

Цели и задачи исследования:

1. Определение структуры диалектного семантического пространства, связанного с рождением и смертью;
2. выявление лексического состава микрогрупп, соотносящихся с каждым структурным элементом семантического пространства;
3. лексико-семантический анализ компонентов микрогрупп: выявление синонимических рядов, характеристика синонимов с точки зрения внутренней формы, эмоционально-экспрессивной окрашенности и географического распространения;
4. характеристика комплекса сакральных и профанных знаний диалектоносителя об описываемых ситуациях как важной составляющей языковой картины мира;
5. сопоставление структуры и лексического наполнения семантических областей рождения и смерти в архангельских говорах, установление их сходства и различий;

6. представление реализации фрагментов диалектного языка, связанных с РОЖДЕНИЕМ и СМЕРТЬЮ, в двух частных диалектных системах говоров архангельского региона;
7. введение в научный обиход ранее не опубликованного диалектного и фольклорного материала, касающегося рождения и смерти человека.

Научная новизна исследования. Научная новизна работы определяется поставленными в ней целями и задачами и заключается в том, что в диссертации впервые

- РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ описаны как семантические области, соотносящиеся с ситуациями, обладающими определенным набором пропозиций и их актантов;
- исследована структура и лексическое наполнение родильного и похоронного обрядов архангельской территории;
- исследование проведено на материале говоров компактного региона русского языка, лексика которого может рассматриваться как макросистема.
- проведено комплексное сопоставление семантических областей рождения и смерти, выявлены их сходство и различие;
- рассмотрены народные представления о беременности и рождении ребенка, о смерти и мире мертвых.

Объект диссертационного исследования – семантические области РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ, их структура и лексическое наполнение: персонажная и предметная системы соответствующих обрядов, сакральные и профанные действия участников событий и их обозначения в говорах архангельского региона.

Материал исследования. Работа написана на материале архангельских говоров. В ней используются данные 1-13 выпусков Архангельского областного словаря (АОС), картотеки АОС, которая хранится в кабинете диалектологии МГУ, электронной базы данных Словаря и собственные наблюдения автора, сделанные в диалектологических экспедициях с 2002 по 2010 гг. по

специально разработанным вопросникам. Автором были лично обследованы 18 населенных пунктов девяти районов Архангельской области.

Методы исследования. В работе используется несколько основных методов, позволяющих проанализировать собранный материал с учетом задач исследования. С помощью **описательного** метода проводится структурно-семантический анализ языкового материала; метод **концептуального анализа** применяется по отношению к ключевым понятиям народной речевой культуры (смерть, век, зачатие, рождение); **лингвокультурологический** метод используется при описании обрядовой лексики в связи с определенными компонентами обряда; с помощью **лингвогеографического** метода выявляется ареальная характеристика структурных и лексических элементов исследуемых семантических областей.

Научно-практическая значимость исследования заключается в разработке конкретных методик комплексного анализа семантического пространства, соотносящегося с жизненными ситуациями, за которыми стоят обрядовые комплексы. Подход к языковому материалу, представленный в работе, может найти применение в исследованиях этнолингвистического и лингвокультурологического направлений. Результаты исследования могут быть использованы при составлении диалектных словарей и словарей народной духовной культуры, лексических атласов русского языка, в учебных курсах по русской диалектологии и лексикологии и в специальных курсах, посвященных изучению русского языка и народной культуры.

На защиту выносятся следующие положения:

1. РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ рассматриваются в работе как антонимичные семантические области, включающие в себя соответствующие обряды, а также ситуации, не освященные обрядом, но имеющие непосредственное отношение к данным событиям.

2. Описываемые семантические области имеют пропозитивную структуру, в которой выделяются персонажные, акциональные, вербальные и предметные подсистемы. Элементы каждой подсистемы соотносятся с микроси-

туациями (зачатие, беременность, роды; смерть, похороны, поминки и др.) и компонентами обряда (запреты для беременной, магическая помощь в родах; охранительные действия по отношению к новорожденному и покойнику и др.), однако такое соотношение имеют не все структурные элементы.

3. Наименование элементов ситуации в целом и ее микроситуаций представлено в архангельских говорах значительным числом номинаций, образующих синонимические ряды. Они состоят из единиц, различающихся своей внутренней формой, словообразовательной структурой, фонемным составом.

4. Структура и лексическое наполнение семантических областей РОЖДЕНИЯ и СМЕРТИ на фоне значительного числа общих элементов содержат территориально ограниченные, варьируемые элементы, которые противопоставляют говоры архангельского региона.

5. Высокая степень дифференциации изучаемого семантического пространства в говорах объясняется особой значимостью событий рождения и смерти в традиционной народной культуре. Родильный и погребальный обряды пронизывают представления о веке и доле каждого человека, что проявляется как во внутренней форме многих слов, так и в этапах самих обрядов. Народные представления о жизни и смерти, отраженные в ритуалах, мифах, поверьях, приметах и закреплённые в языке, рассматриваются как фрагменты картины мира носителей диалекта.

Концептуальное содержание ключевых для народной культуры понятий (смерть, век, доля и др.) позволяют конструировать фрагменты языковой картины мира, соотносящиеся с рождением и смертью человека.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены и обсуждались на отечественных и международных научных конференциях: международной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии» Москва, 2006 и 2009гг.; III и IV Международных конгрессах «Русский язык: исторические судьбы и современность», Москва, 2007 и 2009гг., XIV, XV, XVI, XVII международных научных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» 2007, 2008, 2009 и

2010 гг.; всероссийских диалектологических совещаниях «Лексический Атлас русских народных говоров», Санкт-Петербург, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011 гг. По теме диссертации опубликовано 14 работ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой литературы и приложений. Первая глава представляет собой характеристику теоретических предпосылок работы, вторая и третья главы посвящены описанию семантических областей РОЖДЕНИЯ и СМЕРТИ. В заключении представлен сопоставительный анализ исследуемых семантических областей. Приложения № 1 и № 2 содержат словник диалектных лексем, проанализированных в работе, приложение № 3 – описание семантических областей рождения и смерти на материале двух диалектных микросистем, приложение № 4 – список обследованных населенных пунктов Архангельской области.

Содержание работы.

Во введении обосновываются актуальность, цель, задачи, научная новизна, материал, методы, научно-практическая ценность исследования.

В первой главе диссертации рассматриваются теоретические предпосылки работы. Объект исследования – диалектное слово – достаточно специфичен по сравнению со словом в системе литературного языка. «Характерной особенностью современных говоров является высокая вариативность фонетического, словообразовательного, морфологического и семантического облика функционирующих в диалекте слов»³. Важнейшими факторами диалектного варьирования являются устная форма существования диалектов и отсутствие в них кодифицирующей нормы, сочетающиеся с территориальным варьированием. Проблемы лексическо-семантического варьирования отражены в работах П.Ю. Гриценко, Т.С. Коготковой, Е.А. Нефедовой и др.

Теория диалектного языка (ДЯ), разработанная Р.И. Аванесовым, позволяет представить «диалектный континуум как реализацию системы, состоя-

³ Нефедова Е.А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008. С. 9.

щей из постоянных и варьирующихся звеньев»⁴. Функционирование ДЯ можно описать, опираясь на понятие частной диалектной системы (ЧДС) – системы говоров одного или близких населенных пунктов. Речевая реализация ДЯ происходит только на уровне конкретной ЧДС. В данном исследовании лексика РОЖДЕНИЯ и СМЕРТИ описана как макросистема на уровне ДЯ, в приложении № 3 показана конкретная реализация языковой модели в говорах двух населенных пунктов.

Диалектная лексика, являющаяся объектом настоящего исследования, соотносится с традиционными обрядами, что также определяет ее специфические характеристики. Особенности изучения обрядового слова посвящены работы С.Е. Никитиной, Т.Б. Банкиной, Г.В. Калиткиной.

В данной работе диалектное обрядовое слово рассматривается в контексте народной речевой культуры. Основы подхода к речевой культуре как к системе ее типов заложены Н.И. Толстым и разрабатываются В.Е. Гольдиным и О.Б. Сиротининой. Специфика народной речевой культуры определена в работах В.Е. Гольдина⁵. Теоретические положения, определяющие специфику народной речевой культуры, относятся к коммуникативному направлению современной диалектологии. Поэтому при изучении диалектного слова учитываются его функциональные особенности, к которым относятся характер речевых жанров, набор речевых событий, обычаи и правила традиционного поведения, особенности архаического сознания носителей диалекта, присущая диалекту картина мира.

При описании диалектного слова, соотносящегося с обрядовыми ситуациями, используются положения и методы этнолингвистики, становление которой также связано с именем Н.И. Толстого. «Обрядовый символ может выражаться в трех основных обликах: реальном (предметном), акцио-

⁴ Калнынь Л.Э. Значение трудов Р.И. Аванесова для теории диалектологии // Аванесовский сборник. М., 2002. С. 49.

⁵ Гольдин В. Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. М., 2002. С. 58-63.

нальном (действенном), вербальном (речевом). В лингвистическом представлении эти «облики», или коды, или «языки» определялись бы как звуковой (вербальный), кинетический (акциональный) и «пиктографический» <...> Особенностью обрядового «языка», в отличие от обычного, является именно эта одновременная разнокодовость, вызванная общей тенденцией к максимальной синонимичности, к повторению одного и того же смысла, одного и того же содержания разными возможными способами»⁶.

Методика «расшифровки» обрядового символа в разных его кодах представлена в работах А.В. Гуры, С.М. Толстой, Л.Н. Виноградовой, О.А. Седаковой и многих других исследователей народной культуры.

При описании фрагмента лексико-семантической системы диалектного языка как одной из составляющих народной речевой культуры перед исследователем неизбежно встает вопрос об определении границ изучаемого материала. В реферируемой работе РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ описываются как семантическое пространство, представленное двумя полярными областями, каждая из которых соотносится с соответствующим событием, освященным обрядом. Границы этого семантического пространства выходят как за рамки обряда, так и за рамки семантического поля в его общепринятом понимании. Это объясняется тем, что ряд явлений и понятий, относящихся к рождению и смерти человека, имеет профанные, бытовые свойства, не охваченные обрядовой процедурностью. Вместе с тем они весьма важны для представления целостной картины соответствующих событий. Понятие семантического поля с центром и периферией также не вполне отвечает задачам исследования и характеру и объему материала, включающего в себя номинации и предикаты понятий, выходящих за границы поля. Поэтому в работе используется понятие «семантическая область».

⁶ Толстой Н.И. Из «грамматики» славянских обрядов // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 576. Типология культуры. Взаимное воздействие культур. Труды по знаковым системам. XV. Тарту, 1982. С. 57, 58.

Описание семантического пространства РОЖДЕНИЯ и СМЕРТИ и связанных с ними обрядов и представлений позволяет реконструировать языковую картину мира (ЯКМ) диалектоносителя, что является очень важным для понимания духовной культуры русского народа в целом. Исследование картины мира на материале разных диалектов представлены работами Е.Л. Березович, С.М. Беляковой, Т.И. Вендиной, Е.А. Нефедовой, С.Е. Никитиной, С.М. Толстой и др.

Рождение и смерть – это события, структура и семантика которых внутренне связаны, находятся в постоянном взаимодействии. Поэтому одним из наиболее важных аспектов работы является лексико-семантический аспект, состоящий в описании семантики и функционирования лексики, соотносящейся с данным семантическим пространством. Для описания этих связей в диссертации используется как парадигматический, так и синтагматический подход. Парадигматический принцип изучения отношений между описываемыми лексическими единицами направлен на определение структуры каждой из семантических областей. Исследование синтагматических отношений – лексической сочетаемости – позволяет выявить народные представления, стоящие за словом.

Вторая глава исследования посвящена описанию семантической области РОЖДЕНИЯ. Параграф 1 содержит этнографические сведения, связанные с восточнославянским родильным обрядом. В параграфе 2 рассматриваются народные представления о беременности (2.1 – 2.2), раскрывается структура соответствующей ситуации (2.3 – 2.4), описываются ее актанты (беременная женщина и будущий ребенок – 2.5) и предикаты (глаголы и фраземы со значением ‘забеременеть’, ‘находиться в состоянии беременности’ – 2.6.). В 2.7 описывается ситуация прерывания беременности.

Беременность – переходное состояние, при котором женщина мыслится как проводник между «тем» и «этим» светом, поэтому она надолго выпадает из жизни социума и призвана соблюдать ряд запретов (не вязать, не шить, не ходить на похороны). По данным диалектного языка, беременность

представляется как тяжесть (ср. название беременной *тяжёлая*), ноша (*понести* – ‘забеременеть’, *приносы* – ‘роды’, само слово *беременная* происходит от *берёмя* – ‘ноша’), путь (*ходить* – ‘быть беременной’, *недоходить* – ‘разрешиться от бремени раньше положенного срока’). Представления о беременности отражаются также в предикатах (наступление беременности – *брюхо заказано, заложено, привязалось, прильнуло*). Народная культура разделяет нормально протекающую беременность и беременность прерванную. Прерванная беременность описывается с помощью глаголов со значением движения изнутри наружу *выкинуть, выкидывать, выкинывать* и отглагольных существительных *выкидыш, выкиныш*. Неудавшаяся беременность может обозначаться субстантивом *пусто*: *Четверо живых, да ещё пусто было, я выкинула*. ЛЕШ. Лбс. Родившийся мертвым ребенок также характеризуется как *пустой*: *Семь парней было, да два пустых-то*. ЛЕШ. Кнс. Образное выражение *простое* (*порозное*) *брюхо*, от арх. *простой* – ‘пустой’ характеризует утробу женщины как лишившуюся полезного содержимого: *Фсех десять брюхов было и одно простое брюхо влилось. Не случалось ни порозно брюхо, ницёго*. КАРГ. Лкш. Аборт в народной культуре считается грехом, женщина, его совершившая, называется *душегубкой*.

3 параграф главы посвящен ситуации родов. В изучаемых говорах отдельно номинируется процесс начала родов (3.1.): *зарожать, заприносить*. Для нейтрального описания процесса рождения (3.2.) используются глаголы с мотивирующими основами **-род-** (*родить, выродить, породить, отродить...*) или **-нос-** (*приносить, приноситься*). Экспрессивные номинации подчеркивают движение наружу (*выкинуть, выпернуть, вытряхнуть, вытырнуть*), отражают семантику освобождения, опустошения (*опростаться*), плодовитости (*выплодить, наплодить, наплодиться*).

Названия роженицы (3.3.) связаны с производимым ей действием (*родилка, родильница, родимница, родиха*).

Принять роды помогает повивальная бабка (3.4.). Повитуху называли *роді́лкой, роді́мницей* – по связи с процессом родов, *ба́бкой, ба́бушкой*, – по возрасту, *ле́каркой* – по функции лечения младенца и роженицы. Одно из самых древних обозначений повивальной бабки происходит от глагола *повива́ть* – ‘принимать роды’: *повива́лка, повиту́ха, повиту́шка, повицу́ха*. Большое количество составных наименований совмещают два основных признака повивальной бабки: помощь при родах и возраст повитухи: *ба́бка-повива́лка, ба́бка-повива́лка, ба́бка-повиту́ха, ба́бка-повиву́ха, ба́бка-повиву́шка, ба́бушка-повиту́ха, ба́бушка-повиту́шка, ба́бушка-повива́ленка, повива́льная ба́бка (ба́бушка)*. Деятельность повитухи обозначалась глаголами *ба́бить, оба́бить, ба́бивать* (многокр.), *ба́бничать, оба́бничать, повива́ть*. Повитуха читала заговор на рождение ребенка, прося *одну́ ду́шу спасти́, другу́ю на свѣт пусти́ть; отвори́ть мясны́е воро́та, ко́жаные замки́*, осуществляла родовспомогательные действия (3.5.): *войти́ в ро́ды, ро́ды овести́*. Повивальная бабка не только помогала принять роды, она могла гадать, сколько проживет младенец. Для этого она тянула нитку через всю деревню к дому новорожденного – *тяну́ла ве́к*. Если нить оказывалась целой, это сулило долгую жизнь, если же нитка рвалась, говорили, что ребенка *оторва́ли от ве́ка*.

4 параграф посвящен новорожденному ребенку. Новорожденный ребенок – третий основной участник родильного обряда. Наименования младенца (4.1.) – одна из самых многочисленных лексических групп, связанных с пространством РОЖДЕНИЯ. Нейтральными наименованиями служат слова, происходящие от мотивирующих основ **-роб-** (*робе́нок, робятёшек*), **-дет-/дит-** (*дитёнок, ді́тятко, дете́ш*). Названия с корнем **-род-**, указывают на недавнее появление ребенка на свет (*роді́лка, роді́шка*). Размером и/или возрастом ребенка обусловлены названия *ма́лой, ма́ленькой, малы́ш, младѣн, меся́чной, годово́й, годові́к, полугодо́вой, двухгодо́вой*. Метонимические обозначения ребенка связаны с его одеждой (*пелёно́чной, пелени́чной*), питанием (*грудни́к, грудничо́к, пу́почник* (от *пу́пка* – ‘грудь’)), местонахожде-

нием (*лю́лечной*). Номинации по полу ребенка *ку́рочка*, *петушо́к* происходят от диалектных обозначений половых органов. Большое количество наименований связано с очередностью появления детей в семье. Так, с первым ребенком связаны названия *пе́рвенец*, *зачи́ныш*, *зача́тыш*; со вторым и последующими – *се́ре́дыш*, *се́ре́дней*; с последним – *после́дыш*, *оскре́быш*, *соскре́быш*, *подскре́быш*, *загребно́й*. Отдельная группа обозначений связана с близнецами (4.2.), названия которых мотивированы числом *два* (*двойники́*, *двойны́е*) и словом *па́ра* (*па́рные*).

С рождением ребенка связаны обряды (4.2.), призванные обезопасить младенца от нечистой силы, придать ему человеческие качества и свойства. Лечение младенца от детских болезней – как мифологических, так и реальных (4.3.) – описывается в отдельном параграфе, так как способы лечения связаны с древнейшими представлениями о ребенке как пришельце из иного мира, о болезнях как мифологических существах.

В параграфе 5 представлены обряды интеграции ребенка в человеческое общество: это представление новорожденного *домово́му* и *ба́ннику*, *роди́ны*, *крести́ны* и *имени́ны* (5.1. – 5.5.).

Периоды взросления ребенка (параграф 6) связаны с постепенным приобретением свойств и качеств человека, умением держать голову, ходить и говорить, имеющем решающее значение для ориентации человека во внешнем мире. Отсутствие таких способностей считалось признаком вмешательства нечистой силы, от которого пытались избавиться с помощью многочисленных заговоров. Для обучения ребенка ходьбе делались специальные приспособления: *ходу́ли*, *ходунки́*, *сто́йла*, *стойлу́шки*, *стоя́нки*, *стоя́лки*, *избу́шки*.

Параграф 7 посвящен кормлению ребенка. В нем рассматриваются ситуации грудного вскармливания (7.1.) и кормления при помощи соски (7.2.), которую в говорах называют *дою́шкой*, *сосову́лей*, *рожко́м*.

В параграфе 8 описываются предметы, связанные с уходом за новорожденным. Это одежда малыша (8.1.) – пеленки, пояс-*свива́льник*,

детская кроватка (8.2.) – *колыбѣль, зы́бка*. Все эти предметы кроме утилитарной функции выполняли и функции магические, охранительные.

В параграфе 9 рассматривается ситуация рождения детей вне брака, находящаяся на периферии обрядовой народной культуры. Добрачная беременность и появление на свет незаконного ребенка воспринимается негативно, что находит свое выражение в большом количестве лексики, описывающей незаконнорожденного. Центром этой ЛСГ являются наименования, образованные от мотивирующих основ со значением ‘родить вне брака’: *сколотіть, найті, гулять, нагулять, прижіть, нажіть – сколѣток, сколѣтыш, сколѣтяга, сколѣтна пѣлка; найдѣныш, найдыш, найденной; гульной, нагулыш, нагуленой; прижітой, нажітой*. Наименования *незакѣнной, беззакѣнник* подчеркивают рождение ребенка вне рамок установленной обрядности. Отсутствие законного отца выражают названия *безотцѣвщина, безбѣтьковщина*. Во внутренней форме определений и наименований незаконнорожденного ребенка актуализируется представление о зачатии в любви (*любімчик, любодѣланной, любонажітой, любонайденной, дѣти любви*), со страстью (*охѣчей, охѣтной*). Номинации по локальному признаку (место зачатия) представляют зачатие незаконнорожденного ребенка как тайное, связанное с *углом, воротами: заугѣльной, заугѣльник, заугѣлок, заугѣлок околѣтной, заугѣлыш, зауглѣтина, заугѣльный, заворѣтышек*. Номинации по восприятию ребенка социумом *готѣвец, готѣвой, готѣвыш, довѣсок, придѣныш, с придѣным, с авѣнсом* связаны по большей части с ситуацией замужества женщины, родившей вне брака. Номинации по отношению к незамужнему состоянию матери представлены в виде атрибутивных сочетаний с определением, образованным от слова *дѣвка*, обозначающим статус матери: *дѣвкин ребѣнок, дѣвкин пѣрень, дѣвьѣй*. Зафиксированы и пейоративные номинации от бранного обозначения матери: *выбляд, выблядок, выблядок сколѣтной, облѣдок*.

10 параграф «Символические функции хлеба в родильном обряде» описывает один из важнейших символов, пронизывающих весь родильный

обряд и воплощающийся в номинациях ребенка (*хлѣбы, кулебяка*) и предикатах, связанных с зачатием и родами (*замесить, натяпать*).

Третья глава диссертации представляет собой описание семантической области СМЕРТИ. В параграфе 1 приведены этнографические сведения о восточнославянском погребальном обряде.

Параграф 2 посвящен народным представлениям о смерти. Смерть в народной культуре представляется законом природы, одним из обязательных этапов жизненного цикла человека: *Рождаюцца, штоп потѡм померѣть, устроѣна жьсь так, значит, так надо. Это закон природы, ничѣ не измениши, не перевернѣш.* МЕЗ. Пгр.

Номинации смерти (2.1.) происходят от общерусского корня **мер-/мир-** (*смѣртка, смѣртушка, смѣртонька*) и часто представляют собой уменьшительно-ласкательные наименования, связанные, вероятно, со стремлением «задобрить» смерть. Смерть как процесс или как результат этого процесса обозначается глаголами, однокоренными со словом *смерть*: *мерѣть, помирать, померѣть, помираться, умрѣть, умрать, умернуть, умереться, умертвить, обмерѣть*.

Метафорические номинации представляют процесс смерти как потерю души / дыхания (2.2.): *последни вздохи выхѡдят, дѹхи вѣйдут (выхѡдят), душѧ выхѡдит (вырывает), кто-н. дѹшу (дѹшеньку) спускаѣт, испускаѣт.* Умиравший возвращает душу своему создателю: *дѹх даѣт (отдаѣт) Бѡгу; отдаѣт Бѡгу дѹшу, кладѣт дѹшу.*

Одной из важнейших метафор погребального обряда является метафора пути, дороги. Похороны являются *последним путѣм* человека: *Спровѡдитъ нать сходѣтъ ф **последнюю путь**.* ЛЕШ. Кб. Представление о смерти как о пути в иной мир выражено глаголами *отойти, уйти, подобраться, прибраться* и сочетаниями *уйти из жѣзни, убраться (на тот свѣт)*.

Существует и более наглядное представление процесса смерти – как уход в гроб, могилу: *уходѣтъ в гробнѣ (гробнѹю), сходѣтъ (уходѣтъ, валѣтъся) в гроб, (гробовѣе) дѡски.*

Смерть – это конец жизни, жизненного времени, определенного человеку. *Гна́ть к концу́* – близиться к смерти: **К коньцо́ гонит** на́верно. ЛЕШ. Тгл. Человек, проживший жизнь, оказывается *на краю́ сме́рти*: **На краю́ сме́рти чевó-то повезла́ ко Га́ле ко до́чери, он четы́ре дня́ пролежа́л и по́мер**. МЕЗ. Бч. Смерть – это некий рубеж, граница между миром живых и миром мертвых. Это представление прочитывается в предложно-падежной конструкции у *сме́рти*: **У сме́рти три ра́за была́**. УСТЬ. Брз.

Смерть как трату жизненных сил человека описывают глаголы *потра́тить, потра́титься*. Конец жизни – это гибель живого организма: *поги́бель, поги́белька*. *У меня́ боли́т жэ́лудо́чек, и спи́нка, и брюши́нка, а по́гибели фсе́ не́т*. НЯНД. Лм. В конце жизни человек *погиба́ет, сгиба́ет, выгиба́ет, гинет*.

Смерть может осмысляться как полное исчезновение человека: *вы́быть, вы́вестись, вы́пропадать, исче́знуть, изве́стись, пойти́ на вы́морок, пропада́ть, пропа́сть, потеря́ться*.

Состояние смерти представляется как закрывание глаз: *когда́ (пока́) глаза́ не закро́ются (не закрýлись), покуда́ гла́з не закрýть*.

«Иной» мир, мир смерти располагается ниже уровня земли (*Кто под зéмлю ушо́л*. УСТЬ. Брз.), поэтому смерть изображается глаголами *вали́ться* (арх. ‘упасть’), *гря́нуть, вы́пасть, выпáдывать, ка́нуть, па́сть*.

С падением связана и невозможность ходить, выражающаяся в таких сочетаниях, как *но́жки рости́нуть (загнۇ́ть), ко́ни бро́сить, отки́нуть, ки́нуть копы́та, окопы́титься*.

Глаголы с корнем **верт-/ворот-** описывают внезапную, быструю смерть: *верну́ть, заверну́ть, заверну́ться, заворотíть, заворотíться, переверну́ться, подверну́ть, поверну́ться, сверну́ть, свёртываться, сверну́ться*.

Наступившая смерть характеризуется отсутствием движения, невозможностью встать, производить какие-либо действия: *не вы́стать*. *Ф кото́рый день не вы́станеш* (то есть умрешь). Неподвижность может быть представлена как окоченение. С идеей смертельного окоченения связаны такие

глаголы, как *вы́гнуться, вы́тянуться, околётъ, околева́ть, заколётъ* (ср. архангельское *околётъ* – ‘замерзнуть’), *окочу́риться*.

Представление смерти как живого существа является наиболее архаическим. Оно формируется по мифологическому типу, при котором абстрактное представляется через конкретное, соотнесенное с реалиями наблюдаемого мира. Здесь смерть выступает как активное начало, как персонаж, прерывающий жизнь человека. Интересно то, что многими исследователями как характерный для национальной русской языковой картины мира выделяется образ смерти как женщины, старухи с косой, курносой и т.п. В архангельских говорах смерть персонифицируется и как мужчина: *Ива́н (Ва́нька) Гро́бов (Гробо́вой), Лопáтин, Ло́мов*.

Смерть может персонифицироваться и другим способом: она как бы наделяется в народном сознании человеческими признаками: *смерть (смёртонька, смёртенька, смёртынька, смёртна) идёт, ходит, приходит* или *не приходит* за человеком, может *увидеть* его, *забра́ть*.

Смерть может не называться прямо или образно, при ее обозначении могут быть задействованы «семантически пустые» слова, которые используются только в предикативной функции: *ги́блое де́ло, ме́ртвое де́ло, гото́во де́ло, де́ло доло́й, де́ло кому-н., до са́мого де́ла*. Использование этих слов и выражений может быть связано с табуированием темы смерти, стремлением не называть ее.

В параграфе 3 рассматриваются народные представления о загробном мире. Загробная жизнь мыслится как вечная, настоящая жизнь человека, что проявляется в наименованиях *житьё́, жизнь, та́ жи́знь*; поэтому земная жизнь – лишь преддверие жизни вечной, человек является в этом мире *го́stem*. Мир иной – это поселение на «том свете», которое именуется *той, но́вой дере́вней*.

Наступление смерти сопровождается множеством примет и знаков (параграф 4). В снах и гаданиях символами смерти являются гроб, доска,

стук, белый цвет, земля. Вестниками смерти выступают животные и птицы (чаще всего сорока).

Параграф 5 описывает ситуации естественной (5.1.) и неестественной смерти (5.2.). Жизнь человека связана с понятием *вѣка* – отмеренного при рождении времени жизни и событий, которые должны произойти. Человек, не доживший свой век, опасен для живых и превращается в *ходя́чего покойника* (5.3.), который не находит успокоения в могиле до истечения положенного срока.

В 6 параграфе рассматриваются наименования покойника (6.1.) и связанные с покойником обряды (6.2.–6.4.). Человек в состоянии смерти определяется как «неживой»: *ме́ртой, ме́ртвой, уме́ршей, вы́мершей, мертвѣхонькой, мертвѣшенькой*, находящийся в состоянии покоя: *поко́йней, поко́йной, упоко́йной*. Названия покойника мотивированы прилагательными с основой **-мер/мерт-**: *мертвѣц, покой-*: *поко́енка, поко́енчик, поко́йник, поко́йничек, поко́йнушка, упоко́йник, поко́йней, поко́йной, упоко́йной*. Эти названия различаются семантически: *поко́йником* считается погребенный в соответствии с обрядом человек, *мертвѣц* – умерший, над которым обрядовые действия не произведены.

Подготовить покойника к переходу в загробный мир призвана *обмыва́льщица* – уважаемая в социуме вдова, обладающая нужными магическими знаниями. Она моет покойника, одевает его и кладет в гроб необходимые предметы (6.2.-6.3.).

Важную роль в процессе похорон играют *пла́кальщицы*, которые вспоминают жизнь покойного и упорядочивают жизнь социума после того, как один из его членов уходит в мир иной (6.4.).

Параграф 7 посвящен описанию гроба (7.1.), который может представляться как дом умершего: *до́м, до́мик, домови́на, домови́ще, домови́щеце, домо́вье*. Поэтому неслучайно совпадение наименований частей гроба/могилы и элементов внутреннего убранства дома (полати, сени, крыша и т.д.). Частотны наименования от мотивирующей основы **гроб-** (*гробови́ще,*

гробни́ца, гробо́к, гробна́я). Метонимически гроб описывается как *до́ски, четы́ре доски́: Через неде́лю до́ски ла́дить*. В-Т. Пчг. *Мне немно́го на́ть – четы́ре доски́*. ПИН. Ёр.

Обрядовые действия при выносе гроба (7.2.) являются началом последнего пути покойного, поэтому на данном этапе является важным не допустить возвращения в дом смерти / покойного. Для этого покойника выносят вперед ногами, переворачивают все предметы после выноса гроба («что́бы поко́йник не се́л»).

В параграфе 8 «Похороны» рассматриваются названия кладбища (8.1.), могилы (8.2.) и предикаты захоронения покойного (8.3.), а также охранительные действия после возвращения с кладбища (8.4.).

Названия кладбища часто содержат в себе семантику высоты (*гора́, бе́лый горб, бор*), так как с древнейших времен кладбище принято было располагать на возвышении. Кроме того, названия кладбища связаны с символикой дома, поселения мертвых (*дом, домо́вье, б́уево, погóст, городи́ще*).

Названия могилы представляют собой словообразовательные варианты слова *моги́ла* (*моги́лья, моги́лушка, моги́лка*) и лексемы с семантикой дома (*дом, домови́ще, домови́на*).

Захоронение покойника представлено как закапывание в землю (*закопа́ть*), прятание (*захорони́ть, прихорони́ть, схорони́ть*), придание телу горизонтального положения (*вали́ть, вали́ться*). Сочетание *преда́ть землё* выводит на первый план возвращение покойного земле-матери, творительнице всего существующего. Сочетания *столка́ть в зе́млю, скида́ть в я́му* описывают захоронение пренебрежительно, как избавление от никому не нужного тела.

В параграфе 9 описываются названия поминок (9.1.), календарные поминки (9.2.) и обрядовая пища (9.3.).

Отношения между миром живых и миром мертвых регламентируются поминками (*поми́ны, поми́ночки, похоро́нной обе́д*). Поминки принято делать на 9-ый, 20-ый, 40-й день после смерти, через полгода и год; каждые

поминки имеют свое название (*девя́тины, девятой обе́д; двадца́той день, полусоро́чица; сорокови́ны, соро́чины, сорокови́й день; полугоди́ны, полугодо́вы помíны; годови́на, годи́ны, годовы́, годова́я, годова́я па́мять, годовы́ помíны, у́мершой день, умéршой день, умéрша па́мять, па́мятной день, смéртной день, па́мять*). Поминовение умершего в день его рождения (именины) называют *имени́нной па́мятью*.

Календарными поминками называют особые дни для поминовения усопших: *роди́тельской день (денéк), роди́тельской пра́здник, роди́тельская ра́дуница (ра́домица), роди́тельская суббо́та, поминáнье роди́тельское, ра́доница по мёртвым*.

Обрядовая пища (*блины, кутья́*) является символом перераспределения *до́ли* в связи с уходом одного из членов социума. Формула *с хлебо́в доло́й* становится образным наименованием смерти, ухода в мир иной.

В **заключении** подводятся общие итоги проведенного исследования и формулируются **выводы**.

1. Рассмотренные семантические области рождения и смерти соотносятся с важнейшими категориями человеческого бытия. В триаде «рождение» – «жизнь» – «смерть» они являются полярными и вместе с тем неотделимыми от жизни: рождение – это начало жизни, а смерть – ее конец.

Каждая из рассматриваемых смысловых областей является сложно организованной структурой и включает в свой состав различные компоненты: вербальные, предметные, акциональные. Так как рождение и похороны обязательно подчинены соответствующим обрядам, в данном семантическом пространстве пересекаются и сочетаются языковой, фольклорный и ритуальный планы. В результате мы имеем дело со сложными образованиями, в которых можно выделить сходные подсистемы: персонажную (участники обряда и лица, над которыми осуществляются обрядовые действия), предметную (предметы, используемые в обрядах рождения и похорон), акциональную (ритуальные действия) и вербальную (лексическое наполнение обрядов).

Исследование показало, что некоторые черты обрядов обладают полным сходством, в то время как другие являются зеркальным отражением друг друга. Такая синкретичность, вполне оправдана: сходство наблюдается в тех частях обряда, которые связаны с младенцем и покойником как с выходцами из «другого» мира. Здесь они идентичны и представляют собой одинаковую опасность для живых. Зеркальным отражением являются апотропеические (защитные) части обрядов, и в этом случае участники обряда задают направление дальнейшим действиям: вверх или вниз, к принятию или к отторжению.

2. Настоящее исследование проведено на материале говоров одного региона. Эти говоры обладают генетической и структурной общностью. Таким образом, обширный материал, введенный в научный оборот, рассматривается как системно организованный и соотносящийся с языковым сознанием единого социума. Вместе с тем нельзя не отметить, что исследование опирается на сводный материал микросистем архангельских говоров. Степень его сохранности в говорах разных населенных пунктов и у разных носителей диалекта неодинакова.

Описание семантических областей рождения и смерти проведено на уровне макросистемы диалектного языка и представляет собой максимальную модель, которая в частных диалектных системах реализована своими вариантами. На их территориальные характеристики указывают географические пометы, сопровождающие контексты употребления. В приложении № 3 представлено описание семантических областей рождения и смерти на материале двух микросистем архангельских говоров. Это описание иллюстрирует реализацию максимальной модели в ее конкретном функционировании.

3. Структура данного семантического пространства обнаруживает черты общности и различия. Так, во всех архангельских говорах нет общего имени для семантической области рождения, тогда как семантическая область смерти представлена целым рядом вариантных наименований, выполняющих

роль гиперонима. Возможно, это связано с тем, что осмысление смерти и всего, что с ней связано, является более значимым для человека. Рождение же встраивается в общую картину жизни и не нуждается в таком выделении и обобщении.

Говоры различаются также наличием / отсутствием специальных номинаций тех или иных явлений частного характера. Например, представления об обмененном нечистой силой ребенке и названия такого ребенка (*перемён, обмёныш*) зафиксированы в Мезенском, Лешуконском, Онежском, Пинежском и Приморском районах и не встречаются в других регионах Архангельской области.

Все этапы ситуаций, их участники и совершаемые ими действия имеют в макросистеме архангельских говоров большое количество наименований: ребенок – более 120, незаконнорожденный ребенок – 62 (среди них – впервые отмеченные названия внебрачного ребенка от мотивирующей основы *сколотить* – *сколоток, сколотыш, сколотяга* и др.), близнецы – 22, беременная – 23, роженица – 9, женщина, родившая вне брака – 7, повитуха – 19, крестный отец – 13, крестная мать – 37, покойник – 28, обмывальщица – 3, плакальщица – 6, могильщик – 3 наименования. На уровне частной диалектной системы представлены лишь фрагменты междиалектных синонимических рядов. Так, в говоре д. Шардонемь Пинежского района используется 3 названия повивальной бабки (*ба́бка, ба́бушка, пови́цуха*) из 19, 15 названий новорожденного из 120, 1 название роженицы из 9 зафиксированных на архангельской территории.

Многие названия разномотивированны, образованы на основе разных семантических моделей. Разномотивированные номинации могут сосуществовать в системе одного говора или быть противопоставленными территориально. Так, персонифицированное представление смерти как мужчины выявлено на всей изучаемой территории, при этом номинации от мотивирующей основы **гроб-** (*Иван Гр́обов, Гр́обово́й*) характерны для

северо-востока области, а номинации от основ **лопат-** и **лом-** (*Иван Лопáтин, Лопáтник, Лóмов*) – для южной и центральной части.

Кроме того, в говорах широко распространена вариантность словообразовательной структуры и фонемного состава наименований, носящая как внутрисистемный, так и межсистемный характер.

Всего в работе проанализировано около 1500 диалектных слов и выражений, функционирование которых подтверждено иллюстративным материалом, в том числе фольклорным.

3. Родильный и похоронный обряды архангельского региона в целом тождественны восточнославянским, но некоторые элементы их структуры отмечены лишь на данной территории и не встречаются в исследованиях славянских родильного и похоронного обрядов. Это, например, обычай гадания о продолжительности жизни младенца (*тяну́ть век*), обычай передавать ритуальное угощение через только что зарытую могилу, захоронение покойников на меже своего поля, обычай нести перед гробом верхнюю одежду умершего. В данном исследовании представлен богатый материал на тему персонификации смерти в мужском обличье. Это редкое для славянского мира явление описано в научной литературе только на материале пермских говоров. Описание устройства могилы, не представленное в исследованиях славянских родильного и похоронного обрядов, свидетельствует о сближении ее с домом.

Описанный в работе фрагмент действительности представлен как в реальном, так и в мифологическом плане. Выявлена соотнесенность обрядовых действий и предметов с народным сознанием, обрядовой культурой и символикой. Исследование подтвердило сохранность архаичных народных представлений о рождении и смерти. Эти представления, а также связанные с ними обычаи, приметы и верования сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Таким образом, комплекс представлений о рождении и смерти, нашедших свое отражение в языке, является важным фрагментом картины мира носителей диалектов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. **Коконова А. Б. Лексико-семантическая группа «Детские болезни» (на материале архангельских говоров) // Вопросы филологических наук, № 4 (44), 2010. – С. 31-42.**
2. Коконова А. Б. Представления о смерти в северной народной культуре // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов Международной конференции 35-25 октября 2006 г. М., 2006. С. 96-98.
3. Коконова А. Б. *Сколотари и беззаконники: ситуация рождения детей вне брака в северной народной культуре в свете семантических оппозиций // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования 2007) / Институт лингвистических исследований. Ч. 1. СПб., 2007. С. 333-341.*
4. Коконова А. Б. Статус новорожденного в родильном обряде (на материале архангельских говоров) // Материалы XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2007. – С. 126-129.
5. Коконова А. Б. Семантические области РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ как антонимичные структуры // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им.М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007 г.): Труды и материалы. М., 2007. – С. 492-493.
6. Коконова А. Б. Антонимичные семантические области 'рождение' и 'смерть' (на материале архангельских говоров) // Материалы XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2008. – С. 188-191.
7. Коконова А. Б. Связь концепта «судьба» с семантическими полями «рождение» и «смерть» (на материале архангельских говоров) // Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2009. – С. 172-174.

8. Коконова А. Б. Роль повивальной бабки в родильном обряде (на материале архангельских говоров) // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сборник научных трудов. Часть 3. Вологда, 2009. – С. 33-39
9. Коконова А. Б. Символичность родильного обряда в северной народной культуре // REGIONĀLĀ UN SOCIĀLĀDIALEKTOLOĢĪJA, Даугавпилс, 2009. – С. 103-110.
10. Коконова А. Б. Семантическая область РОЖДЕНИЕ в архангельских говорах: структура и наполнение // Актуальные проблемы русской диалектологии и старообрядчества. Тезисы докладов Международной конференции 19-21 октября 2009г. М., 2009. – С. 115-117.
11. Коконова А. Б. *Сколотари и беззаконники: внебрачные дети в севернорусской народной культуре в свете семантических оппозиций* // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. Вып.12. СПб, 2009. – С. 291-300.
12. Коконова А. Б. Функции хлеба в родильном и похоронном обрядах Архангельской области // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2009. СПб, «Наука», 2009. – С. 412-417.
13. Коконова А. Б. Гроб и могила: лингвокультурные коннотации (на материале архангельских говоров) // Материалы XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». 12-15 апреля 2010 г., Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2010. – С.211-214.
14. Коконова А. Б. Народные представления о смерти (на материале архангельских говоров) // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова. Филологический факультет. 20-23 марта 2010 г. Труды и материалы. М., 2010. – С. 495-496.